МАЙ 1928 Г.
№ 18
ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ
ДНЮ ПЕЧАТИ ПОСВЯЩАЕТСЯ
ЦЕНА 15 КОП.

Рис. Л. Бродаты

В КАКИХ ВЫСОКИХ СФЕРАХ ВЫ НИ НАХОДИТЕСЬ,— ВСЕ РАВНО В ГАЗЕТУ ПОПАДЕТЕ!

Рис. К. Ротова

КЛАССОВАЯ ЗАВИСТЬ

— Смотрите, — прямо зависть берет: сколько всяких широких дел!.. А попробуй завести собственное маленькое дело!..

ПРИСЯДЕМ, ПОГОВОРИМ...

Недавно я побывал в городке в провинции, где работал в двадцатом году в газете „Солнце Коммунизма". Теперь работать там стало хорошо; каждому сотруднику полагается отдельный венский стул, телеграммы из ТАССа привозят на мотоциклетке, и нет решительно никакой надобности плевать, перед тем, как берешься за перо, в пересохшие чернильницы. Метранпаж Алексей Васильевич Шпоня, который утверждал, помнится, что „селедка, знаете, и та поплавать любит" и которого, по причине сей философии, я ни разу не видел поэтому за два года трезвым на работе,— сказал, когда я навестил его теперь на выпуске в типографии:

— Чему не Маруся! На таком, знаете, стуле сидючи, каждый Некрасовым будет! Если бы да нам с вами тогда этакие стулья! Земля-б треснула! А то помните?..

И мы пустили селедку плавать, и стали вспоминать.

Мы вспомнили о человеке по фамилии Зацепа.

Он занимал тогда скромный пост заведующего подсекцией улучшения быта работников городских бань в комхозе, но носил маузер на ремешке, огромнейшую красную звезду с бантом на груди и две гранаты за поясом.

С виду он походил отчасти на Арсена Люпена, отчасти на вахмистра из банды Махно; именно поэтому, вероятно, его и посылали об'ясняться по поводу ненапечатанных об'явлений комхоза в редакцию.

Газета выходила тогда на синей сахарной бумаге и в ней было всего около тысячи строк; об'явлений же, приказов и извещений каждый день присылалось столько, что их с избытком хватило бы на восемь страниц теперешней „Правды",— и печатать это все не было никакой возможности.

Мы отбирали главное, и, конечно, сенсационные циркуляры комхоза о реквизиции хомутов частного владения шли в корзину.

На следующий день в редакцию являлся неизменно Арсен Люпен; он дико вращал глазами, потрясал гранатами и кричал, что всех перебьет, и, вообще, камня на камне не оставит в этом хищном гнезде, где засела гидра контр-революции.

Признаюсь, каждый раз, когда он принимался вертеть гранатами, у нас начиналась дрожь в коленках; чорт его знает, а вдруг сорвется кольцо, — ведь, тут и потрохов не соберешь!

Признаюсь, иногда мы отступали с позором и сдавали его идиотские циркуляры в набор: принципы принципами, а жить хочется каждому!

И вот однажды, потрясая кулаками, он действительно выронил одну из своих гранат. Это был сильно-трагический момент; машинистка взвизгнула истерически и кинулась к дверям, секретарь побледнел и закрыл глаза.

Ужасная картина разрушений и собственной трагической гибели представилась его глазам; мысленно он прочел уже первую строчку некролога, который появится о нем завтра в газете. Но взрыва не произошло и, открыв глаза, он увидел... кучку рассыпавшейся соли на полу; Арсен Люпен, присев на корточки, поспешно запихивал ее обратно в гранату, которая до верху была начинена этим бесценным продуктом.

Позднее мы узнали, что этот негодяй, круглый день шляясь по базару, носил соль в оболочках из-под бомб, чтобы всегда иметь ее на случай подходящей темы при себе, не возбуждая, вместе с тем, подозрений наличием кульков и узелков.

Секретарь откинулся на спинку единственного буржуазного стула в редакции, сощурился зловеще, и выдержав эффектную паузу, сказал курьеру:

— Товарищ Нечурица, выведите этого суб'екта вон.

Неповторимая минута! Арсена Люпена вывели с позором за дверь, и мы никогда не видали его больше в стенах нашего хищного гнезда...

* * *

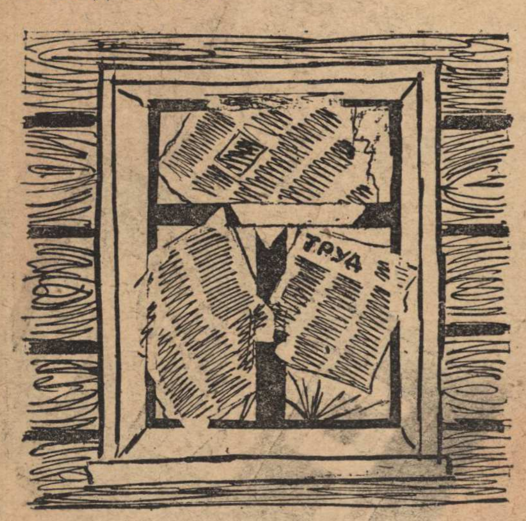
Вспомнили мы с Алексеем Васильевичем и приемщика с радиостанции, матроса Лахтионова. Он был пьяница и забулдыга, и издевался над нами, пока мы не подыскали в областном центре другого радиста, почти год. Он категорически отказывался работать без вина; каждую строчку информации приходилось оплачивать ему рюмкой спирта, который он, впившись, не разбавлял даже водой.

Пил он ужасно много, и мы положительно изнемогали, доставая ему водку, от хлопот. Как только водка иссякала, вместо обычного бюллютеня в несколько страниц, от него поступала со станции коротенькая, сухая записка: „Вследствие разрывов, которые дает проходящая гроза у Херсона принимать не мог. Ив. Лахтионов".

Почему он избрал, как место атмосферных явлений, именно Херсон, не знаю, но город этот фигурировал в его сообщениях неизменно. Впрочем, назови он Мурманск или Мариуполь вместо Херсона, — дело не изменилось бы от того нисколько; так или иначе, мы сидели без телеграмм и надо было, чтобы залить чем нибудь его ненасытную глотку,

КОГДА ГАЗЕТА БЕСПОЛЕЗНА

Рис. Н. Денисовского

Когда она не вносит света в темную жизнь.

снова начинать беспокойную беготню по врачам и аптекам и умолять его поработать пока авансом. Уже когда был выписан и через месяц должен был приехать новый радист, мы узнали случайно, что Лахтионов жестоко влюблен в редакционную машинистку Зиночку.

Конечно, с ее стороны было преступно замалчивать это обстоятельство, и мы выразили ей общественное порицание и обязали немедленно прибрать радиста к рукам. Она сказала Лахтионову, что обожает телеграммы и не может без них жить, что она боится грома больше, чем мышей, и каждый раз плачет всю ночь, когда под Херсоном проходит гроза; разряды сразу прекратились, и этот последний месяц информация у нас, несмотря на отсутствие спирта, была самая полная и блестящая...

* * *

Вспомнили мы еще репортера, — фамилии его не буду упоминать всуе. Пришел он к нам с предложением доставать любые сведения из любых, самых секретных мест и учреждений. В те времена добывать хроникерский материал было очень трудно.

И опродкомгуб, и оспопрививочный пункт, и управление бранд-майора, — все это были тогда секретные учреждения, рассылавшие бумаги не иначе, как в конверте за тремя сургучными печатями. Даже расписание дней, по которым функционировали бани в городе, составляло тогда государственную тайну!

К предложению юноши мы отнеслись, поэтому, скептически: так, треплется человек. Однако, ему выписали мандат — и он пошел собирать хронику в ведомства. К общему изумлению, он моментально проник, действительно, в самые недоступные, казалось бы, места.

Он приносил заметки и о бандах, оперировавших в губернии, и о сахаре, который должен прибыть, и о с'езде церковников, и о предстоящей выдаче костяных пуговок в кооперативе; все двери оказались открыты перед ним, и не было, кажется, случая, чтобы его выгнали откуда нибудь, как часто делали это тогда с репортерами, или не дали сведений, которые ему были нужны.

Долго оставался для нас загадкой секрет его головокружительного успеха. Однажды, наконец, он открыл свою тайну и показал нам бумажку, которую ему выдали то ли по знакомству, то ли по безграмотности на врачебном пункте, и которую он неизменно пред'являл каждый раз вместе с мандатом, являясь в учреждение: „Сим удостоверяется, что товарищ С-в действительно страдает нервным расстройством и за побои, наносимые им, не отвечает."

* * *

Тогда стало ясно, почему все были так предупредительны с этим предприимчивым юношей в учреждениях...

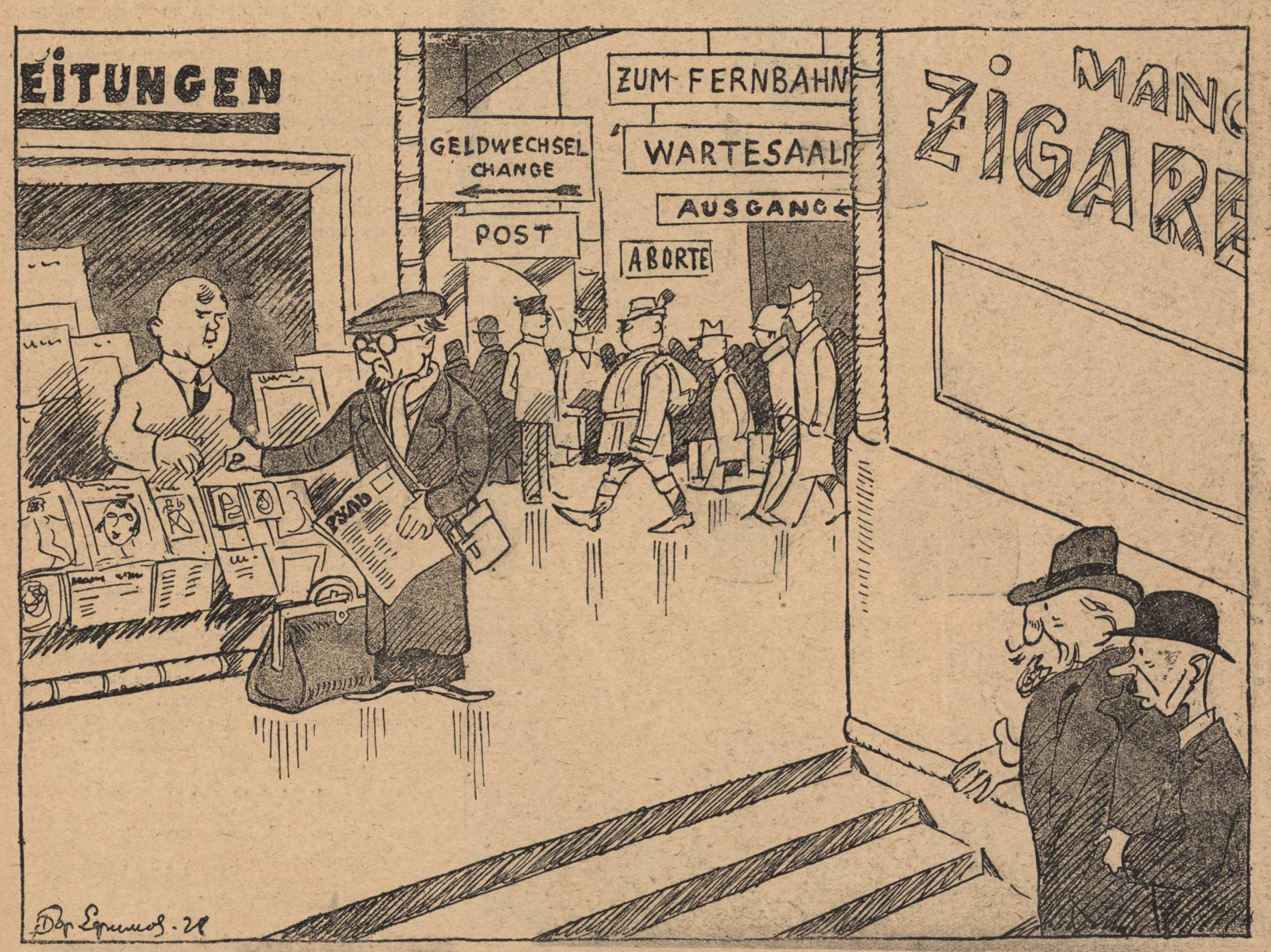
... Так мы вспоминали, закусывая селедкой, эти далекие, милые дни, и метранпаж Алексей Васильевич повторял без конца, подмигивая в сторону выпускающего, у которого были ботинки с гетрами и торчало самопишущее перо из кармана пиджака, покашливая и давая понять, что у него ужасно першит в пересохшем горле:

— Да, да, вот тогда бы он поработал, тогда бы сверстал! Теперь что! Теперь каждый может быть Некрасов. Чему не Маруся!..

А. Зорич

В ЧАЯНИИ ТИРАЖА

Рис. Б. Ефимова

— Еще один русский в Берлин приехал! Наверное „Руль" читать будет.
— Почему же вы так радуетесь?
— Приятно, все таки, когда тираж удваивается!

ПЕРВОГО МАЯ

Рис. В. Козлинского

Во многих буржуазных странах были сделаны попытки не допустить празднования первого мая.

— Я не понимаю, почему вы против того, чтобы рабочие в этот день были на улице?

— Помилуйте, сударыня: ведь в этот день не мы их выгоняем на улицу, а они сами выходят.

ГАЗЕТНЫЙ ЯЗЫК

Товарищ, у меня Бриан не влезает!

— Попробуйте между ним и Чемберленом Штреземана втиснуть, и все.

— У меня спекулянты под посевную кампанию попали.

— Дайте сверху наводнение — вот и уладится...

— А рабкоров куда?

— Рабкоров поставьте под Индию, чтобы опера сбоку пошла.

— Не выйдет так. У меня в прошлом номере в отдел „Куда пойти“ попало извещение об открытии крематория.

— А где у вас отдел „Голос“ помог“?

— Да в него я заметку о раздавленной старухе вставил.

— А что же у вас в отделе „Хулиганство растет“?

— Да ничего особенного — заметка о новой повести Потлашкина.

— Нельзя так... Вы и третьего дня к постановке „Когда поют петухи“ дали отчет об опере, а в отдел „Суд идет“ всунули отчет о трестовском заседании... Что сейчас набирают?

— Взяточников.

— А что потом набирать будут?

— Головотяпов.

— А почему рационализацию еще в номер не вставили?

— Рассыпалась. Подбирают.

— А где у вас очерк из жизни африканских дикарей?

— Придется на последнюю страницу. У меня местной жизни нет.

— Нужно смочить губкой набор, а то у вас наводнение совершенно сухое — рассыпется...

— Ну, ладно, готово... Номер сделан. Можно его спускать?

— Нет еще — редактора нет. Как только придет — так его и спускайте!

Л. Братский

ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

КТО ЧТО ЧИТАЕТ В ГАЗЕТЕ

Кассир — Судебные отчеты.

Актер — Рецензии. Больше ничего и никогда.

Контрамарочник — Отдел театральных об'явлений.

Нэпман — Расписание поездов Северной дороги и сроки уплаты налогов.

Скучающая девица — Происшествия.

Обыватель — Об'явления о купле и продаже „по случаю“. Купить не может, но почитать все-таки приятно.

Совслужащий — О предстоящих сокращениях и о рационализации.

Физкультурник — Ничего, кроме спорта!

Все — Об'явления о квартирах.

Домохозяйка — НИ-ЧЕ-ГО.

В ЛОНДОНЕ

Господин! Купите газету!

— Спасибо, — я купил ее оптом.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

— Вчера мне показали мои первые оттиски.

— Рассказа?

— Нет, пальцев в Угрозыске.

ШУТОЧКИ

Основной чертой милейшего Ивана Петровича была бодрость. Это был действительно бодрый, жизнерадостный человек. Ничто его не угнетало. Сколько неприятностей в нашей жизни, всяких трудностей и склок! А ему хоть бы что! Надавит на душу какая-нибудь гнусность,— он уедет на Москва-реку, поплавает, полежит на солнце и — прошло. А если зима — на лыжах пройдется или просто большую прогулку совершит, и опять жизнерадостность возвращается к нему, и он не только работает, но даже шутит, шутит беспрерывно, обдавая близких и окружающих теплом и лаской.

Правда, шутки у Ивана Петровича не отличались особенным разнообразием. Но у кого они отличаются этим редким свойством! Даже присяжные остряки нанизывают свое остроумие на два — три определенных приема и варьируют их, смотря по обстоятельствам.

Что касается Ивана Петровича, то он о приемах не думал — человек он был простой, ясный, неискушенный — просто шутил человек, как бог на душу положит. Главное: шутки его веселили, все смеялись безобидным смехом, потому что не было никакого ехидства в этом человеке.

Позвонит, например, жена сослуживца, попросит к телефону мужа, а Иван Петрович, случайно взявший трубку, говорит:

— Тут такого нет. Его сегодня уволили и выдали двухнедельное пособие.

Разумеется, если сослуживец, в самом деле, близок к „сокращению", то Иван Петрович так не шутит, но если это касается человека с крепким положением, то ясно, что шутка только вызывает смех счастливой жены.

И так уже установилось в учреждении. Все знали, что если зайдешь к Ивану Петровичу, он обязательно рассмешит, что-нибудь скажет такое, от чего будет всем смешно и приятно.

Например, нужно у него деньги получить, а он скажет:

— Не дам. Мне двадцать пять процентов, тогда дам.

Услуги людям оказывать он очень любил. Очень смущался, когда его благодарили, но при этом тоже шутил — особенно весело шутил, когда ему удавалось устроить человека. Например, когда его просили об устройстве на службу и все хорошо устраивалось, он говорил просителю:

— Есть! Дело в шляпе! Идите, пожалуйста, туда-то и туда-то, сделайте то-то и то-то. Только я даром не делаю. Мне взятку. Я человек скромный, червонцев пятьдесят дадите и ладно.

Все смеялись, устраиваемый особенно тепло благодарил Ивана Петровича и многие думали:

— Хороший человек! Какое неиссякаемое добродушие!

С подчиненными тоже любил шутить — работа в учреждении была налажена, это ей не мешало. Например, он подписывает ордера на выдачу денег. Сбоку стоит секретарша, ждет:

— Это кому?— спрашивает Иван Петрович.

— Глюкину. Двадцать пять рублей.

— Хорошо. А это? Терентьеву? Тридцать рублей. Так. А это кому? Крутицкой? А кто такая Крутицкая?

— Агентша.

— Молодая? Красивая? — шутит Иван Петрович. — Ну, если молодая, красивая — выдать. Если старуха — не выдавать ни копейки.

И опять: секретарша смеется, сослуживцы смеются, и всем весело. Вот так работал Иван Петрович.

И можно было бы о нем рассказать много анекдотов подобного типа, если бы его не арестовали и не посадили в Бутырки.

Вы, вероятно, удивились: за что? Он не был ни саботажником, ни вором, ни растратчиком, даже бюрократом особенным не был. За что же его так сразу?

Неизвестно. Впрочем, это всегда так бывает неизвестно. Но тайн на свете нет. Не прошло и пяти месяцев предварительного заключения, как причина ареста Ивана Петровича выяснилась.

Его погубил паренек, которого он сам же устроил курьером в соседний подотдел.

Трудно устроить в наше время человека на службу. Нельзя без биржи труда, нужно быть членом профсоюза. Очень трудно, чтобы все было в порядке.

Но тут как-раз все было удачно! А Иван Петрович очень любил удачливых людей. Парень сразу в профсоюз записался и через биржу труда прошел — все как нельзя лучше!

Был он бледненький, веснущатый, спокойный, вялый. Ноги имел длинные, немного кривые и ходил большими шагами. Заместитель Ивана Петровича,— полная противоположность ему по характеру — желчный человек, — глядя на эти ноги, ожесточенно думал:

— Бездарные ноги!

Однажды он сказал об этом Ивану Петровичу. Но Иван Петрович не понял и пожал плечом: что такое бездарные ноги? Человек может быть бездарным или способным, а ноги-то при чем?

Голова у парня была маленькая, желтоволосая, и когда он проходил мимо, из под узкого лба зеленый глаз мутно косил на Ивана Петровича и его желчного соседа.

— Сволочеватый парень, — говорил заместитель.

И, действительно, это он погубил Ивана Петровича! Он!

Это он, растопырив под столом длинные кривые бездарные ноги и низко пригнув желтую птичью голову, писал, кося по сторонам зеленым мутным бессмысленным глазом:

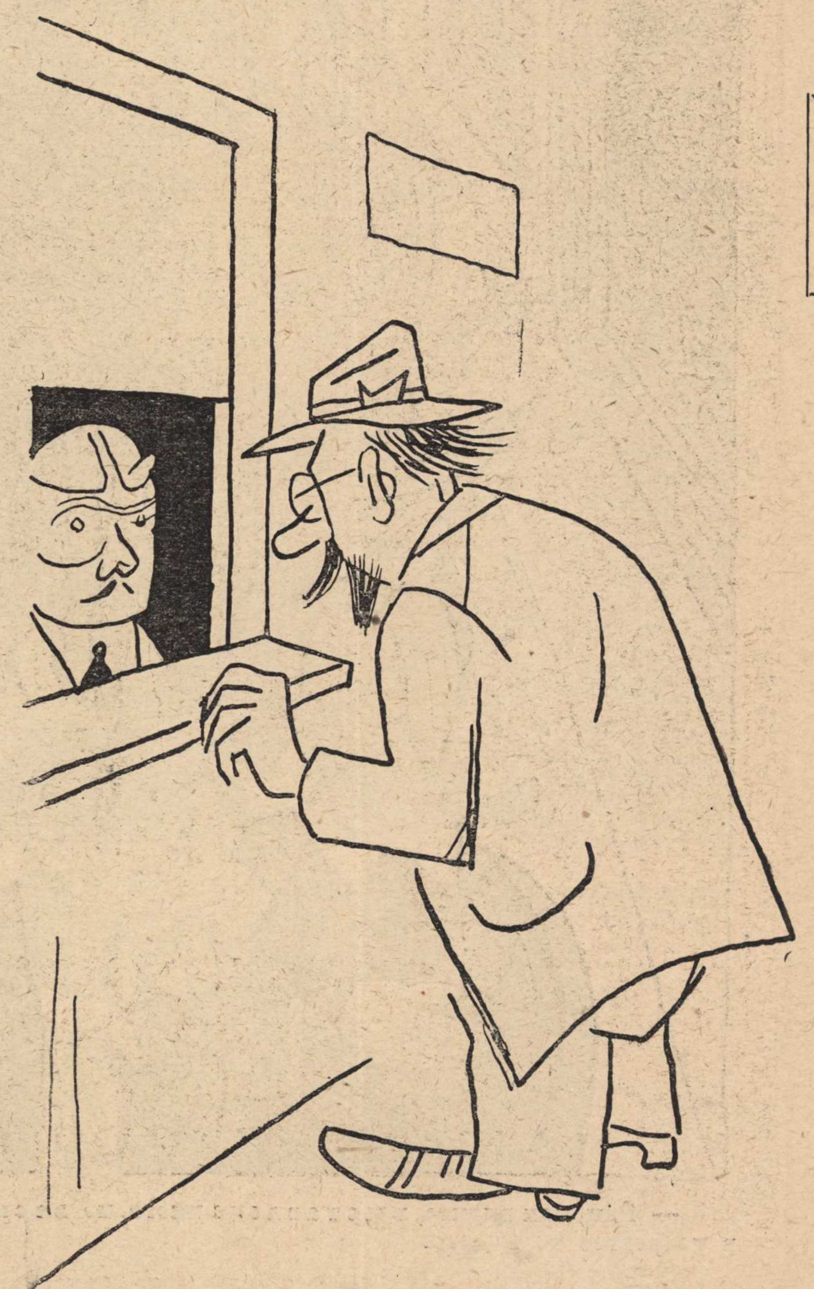
„А что касается насчет атмосферы, то атмосфера во всем учреждении, так сказать, нездоровая. Иван Петрович товарищ Рюмов получает двадцать пять процентов с жалованья служащих. Деньги по ордерам выдаются гражданам только в том случае, если они молодые и красивые, если которая старуха, так она денег не получает Тоже самое как если обратиться к нему насчет получения денег — так он говорит — мне долю дадите, тогда выдам, а так не выдам. Так он все время и получает, а секретарша его товарищ Мотацкая с им в доле и его зам — тоже самое, потому они действуют сообща..."

Ефим Зозуля

„НА ГОССТРАХ ВРАГАМ"

Рис. Б. Малаховской

Правление Госстраха предполагает на ать краткосрочное страхование жизни от заразных эпидемий.

— От какой эпидемии застраховаться желаете?
— От эпидемии с'ездов. Очень уж заедать стала.

ВЕСНА, ВЫСТАВЛЯ...

Рис. А. Радакова

Москву захватила весенняя эпидемия выставок.

— Рам, как видите, выставлено много, но весны в искусстве не видать.

??? СПРАШИВАЙТЕ

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ „СМЕХАЧА“

!!! ОТВЕЧАЕМ

№ 18 | МАЙ 1928 ГОДА | № 18

НАС ДАВНО СПРАШИВАЮТ!!!

Нас давно спрашивают,— когда в газетах будут сокращены ведомственные отчеты, когда иностранные слова будут заменены русскими, когда газеты будут своевременно попадать на места, когда провинциальная пресса будет меньше перепечатывать из столичной. Нас давно спрашивают, но мы сами не знаем!!!

ПОСЛОВИЦЫ О ПЕЧАТИ

Злится Иван, что плохо пишет Степан; позлится, потужит и сам напишет похуже.

Лист с трудом исписывается, а журналист — с годами.

Хорошо писать с пафосом, а лучше — с энциклопедическим словарем.

Кто что не знает, тот о том и поучает.

Репортера ноги кормят, а поэт — приятели в пивной.

У семи отделов читатель без известий.

МЫ ДАВНО ОТВЕТИЛИ!!!

Газетная заметка в 832 строки — не заметка, а гроб. Лучше дать три хороших статьи, чем одну маленькую безграмотную. Полезнее писать о культурной революции, чем помещать плохие стихи. В шахматном отделе идеологии может быть меньше, чем в передовой статье, но и для нее нужна тема. Хороший журналист в плохой редакции подобен часам: его надо завести, если нет.

МУЗЕЙНЫЙ УГОЛОК

Париж, Жан-Егор де Пти-Ерлыхин. Не желой ли почтенный редаксион БОС приобрестиж у мене эн пти коллексион почти задарма к дню де-печать? Все предметы иностранной выработки (virabotka) и имеют — простите, что перехожу на русский (russki) язык — непосредственное отношение к СССР. Желаете купить — гоните монету (monetu). Хвотографии прилагаю, а об'яснения тоже.

Зубы, которые имеются в Лондоне против Москвы: a) за Коминтерн, b) за наркоминдел, c) за внешторг, d) за Женеву и e) на всякий случай—свой одный зуб для частного ежедневного употребления в любой газете.

Прекрасные зубы, не ломающиеся при ежедневном утреннем, вечернем, а также с иллюстрациями, употреблении. Перепробовано лучшими публицистами и все очень хвалили. Изо рта вынимаются немедленно при нажиме из Форейн-Офис.

См. рисунок вверху.

Капли желчи, оперативным путем вынутые из чернильниц фашистских редакций, приготовленных для антикоммунистических статей. Налево — капля обыкновенная, а направо — желчь, смешанная с надеждой на торговлю. Не такая густая, но странная.

См. рисунок рядом.

Редакционное ведро газеты „Возрождение“, из которого бывший марксист, а ныне ад'ютант Николая Николаевича — П. Б. Струве ежедневно выливает помои на СССР. И ведро и помои преимущественно иностранной выработки.

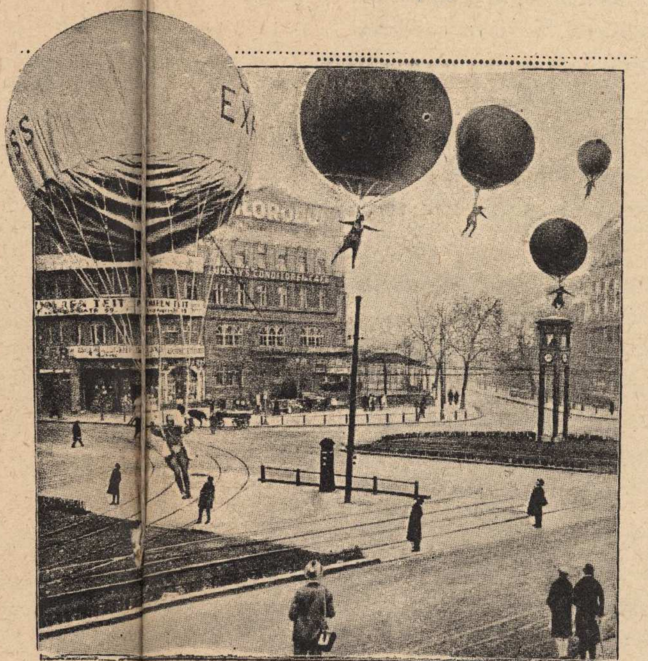
Граммофонная пластинка „Отдавай долги“ (комический газетный дуэт), вставляемая в любой редакционный граммофон на территории Франции.

На пластинке знак Z, что означает в переводе на поэтический язык: доллар.

Сама поет, сама плачет, сама скучает.

ДОСТИЖЕНИЯ ПРЕССЫ

Лондон, Рамз. Мак—д. Памятуя о дне печати, шлю вам любопытный для всякого профессионала снимок:

момент, когда редакция „Дэйли Экспресс“ рассылает своих лучших сотрудников в погоню за свежими утками. Очень красиво и технически — неподражаемо. Фотографии уток не прилагаю.

Ответ: Спасибо. Утки пересланы телеграммами и уже прочтены.

МЫСЛИ О ПЕЧАТИ

Присланы в редакцию Боса неизвестным лицом для опубликования.

◆ Что такое „день печати“? Это такой день, когда о печати вспоминают. В остальное время года она должна помнить о всех.

◆ Хорошая газета принимает известия по радио, а плохая — по недосмотру редакции.

◆ В Нью-Иорке некоторые газеты подобны нехорошим девушкам: они ночью выходят на улицу

◆ Если даже в твоем городе нет никаких культурных развлечений, не пиши в отделе „Куда пойти“:—К чортовой бабушке! Все равно никто не поверит и не пойдет.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Самара, Д. Н. Что такое „письмо в редакцию?“

Ответ. Это такое письмо, которое не всегда доходит по адресу.

В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА разгоняю туман газетных выражений по оптовым ценам.

ОБ'ЯВЛЕНИЯ

УНИЧТОЖАЮ КЛОПОВ, МЫШЕЙ, ВЫВОЖУ ПЯТНА

а также следующие выражения из газетных статей: „Принимая во внимание“, „Переходя к моменту“, „Учитывая вышесказанное“ и т. д. Могу приходить с инструментами в редакцию. Провинциальным газетам — скидка.

ПЕРЕПИСЫВАЮ И РАЗНОШУ НА ДОМ

стенгазеты членам правлений и фабкомов, не имеющим желания читать их на стенах. Могу приносить вместе со мной. Контора БОС — мне.

УГОЛОК БЫТА

Москва, М. Н. Посылаю вам свой фотоэтюд „Как представляет себе беллетрист газетного критика, который о его

книге дал отзыв, что она не особенно увлекательна, но зато целиком списана у другого автора“.

В БУДУАРЕ АКТРИСЫ

Рис. Н. Денисовского

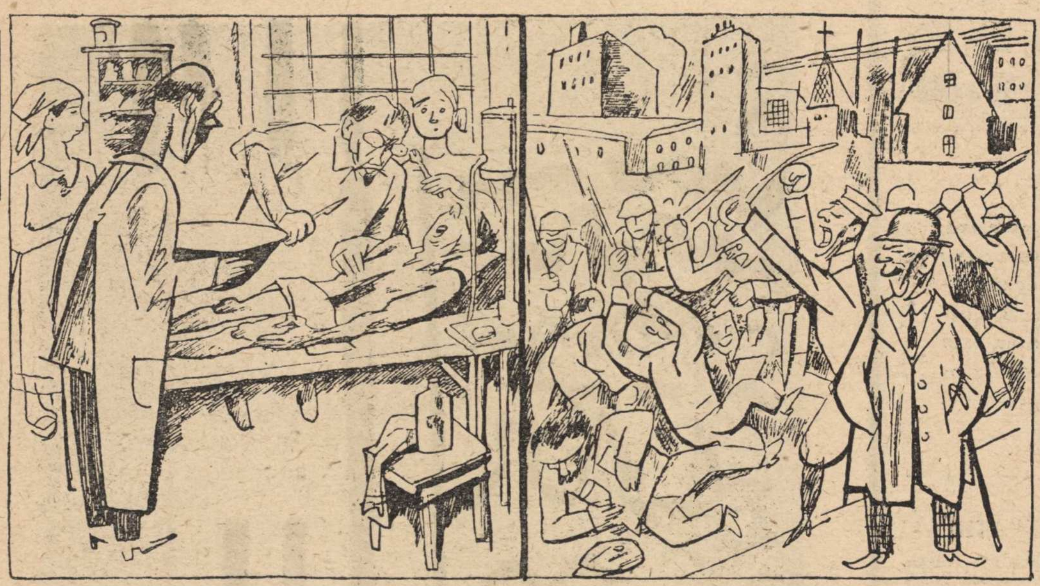

— Потому и ничего не вышло на женевской конференции по разоружению, что они меня с собой не взяли: я бы всех там сразу обезоружила!

РАЗНИЦА В УЧЕНЫХ СТЕПЕНЯХ

Рис. А. Радакова

„Кровавая собака“ Носке избран почетным доктором кельнского университета.

Человек, пускающий кровь одному,—просто доктор. **Человек, пускающий кровь массам, — „почетный доктор“.**

ЕГО ТАЛАНТ

Он был одновременно и художником, и поэтом. Правда, область его творчества была весьма узкой: он делал плакаты в стихах для пивных.

Адама Смита он укладывал в две строки: „Кто кружку пива выпивает, тот экономию сохраняет.“ Основы гигиены—также: „Вновь ты грязью пол закапал, — не бросай окурков на пол.“ Охрана детской нравственности формулировалась так: „Пока не минуло 16 лет,—тебе, товарищ, пива нет!“

В портерных знали его. Его плакаты, засиженные мухами, красовались на всех этих, оглохших от ругани, стенах. Заработок у него был твердый.

Но он был поэтом, и с ним случилось то, что рано или поздно случается со всеми поэтами: он исписался.

* * *

Началось это с того дня, когда однажды, зайдя в пивную, он, как обычно, предложил:

— Насчет „собачек без привязи“—не потребуется?

— Есть уже. Вон у печки...— равнодушно ответил буфетчик.

— А насчет „человечности официанта“ или же насчет „крепких выражений“—не угодно ли?

— Да вот-же над буфетом висят.

Он растерянно взглянул поверх буфета и предложил последнее:

— Про „лиц в нетрезвом виде“—будто не вижу. И про кредит делу вредит...

— Ослеп ты нынче, что ли?—рассердился буфетчик.— Оглянись, увидишь!

И с тех пор пошло. Куда-б он не заходил, его встречали ехидным смешком:

— Есть, все есть! Все полное собрание твоих сочинений, кроме посмертных.

* * *

Так наступили для него черные дни. Он безнадежно смотрел на разноцветные бумажки, из которых он так еще недавно склеивал магические слова, ценой каждое—в кило формового, и думал, думал.

А ведь надумал! И тогда он лихорадочно взялся за ножницы, и работа закипела. Он нашел, наконец-то, свою стезю!

Для начала он принес только два плаката:

„Хулиганства нет без риску, — не смей в буфетчика кидать сосиску.“

„Лишь для питья бутылка лимонада, за шиворот ее соседу лить не надо.“

— Очумел-ты, что ли?—удивился буфетчик.— Что за идиотские выдумки? Таких еще случаев не бывало, о которых ты упоминаешь.

— Не бывало, а, может, будет! Осторожность всегда нужна. Возьмите на пробу, хоть без денег пока.

* * *

Пивные буфетчики не чужды искусства. Они любят украшать свою пещеру, тем более даром. И поэтому вскоре во всех пивных появились указанные плакаты.

А затем в разных частях города разные люди, украсившие свои столы зеленью бутылок, вспотевшие, и от пива безумно смелые и самоуверенные, те, что, несмотря на плакаты, плевали на пол, кидали окурки, ругались и давали на чай, читали новые плакаты вслух и реагировали так:

— А п'чему нельзя в буфетчика сосиской, ежели за нее сполна заплачено? Или лимонад, скажем! Не масло, спинжака не испортит, газом не отравит! П'чему-же его за шиворот нельзя? П'чему?

— Верно, Ванюха! Крой! Ишь-ты, новости какие! В жизни-то живем мы только раз!

— Только раз! Пьем — помрем, не пьем — помрем! Эх, яблочко, лейся...

И когда их потом штрафовали, они с шиком платили штраф, покорно вылетали из дверей, но, прощаясь друг с другом при выходе из отделения, недоумевали:

— Ведь, не на чужие-же,— на свои! А они — нельзя! И выдумают-же надписи, черти!

* * *

Теперь он обеспечен заказами. Он— диктатор положения, вызвавший своим художественным чутьем бойкое эхо. И принося теперь плакаты самого дикого содержания, он знает, что эхо не смолчит, что спрос родит предложение, что искусство вечно и что гений никогда не пропадет...

М. Коварский

ПРИЗНАКИ ВЕСНЫ

Рис. Радлова

Готовятся к сезону.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО КУЗМИЧЕВА

(Дикая фантазия, посвященная печати вообще)

Антон Кузмичев покончил жизнь самоубийством, „очевидно, бросившись с моста в прорубь“, как сообщила Роста.

У проруби был найден только пиджак Кузмичева, а в кармане пиджака было письмо, в котором он писал: „Ухожу из жизни потому, что хочу надуть смерть. Эта дура-смерть думала, что я ее буду ждать. Слишком много чести! Кстати, мне надоело писать до смерти, а к другому труду я не приучен.“

Найти труп писателя не удалось, но зато в ящиках его письменного стола нашлось нечто более драгоценное — его неизданные и нигде ненапечатанные рукописи.

Была назначена комиссия по разборке и оценке рукописей Антона Кузмичева.

* * *

Комиссия состояла из десяти человек. В нее вошли два критика, два редактора журналов, два профессора (один хирург, другой гинеколог), два инженера (один с Волховстроя, другой с Днепростроя), один вузовец и один представитель Наркомздрава.

Назначению последнего придавалось огромное значение. Представитель Наркомздрава, хотя и не был врачем, должен был выяснить на основании найденных произведений психологию писателя, доведшую его до самоубийства.

Результаты изучения рукописей Антона Кузмичева были вскоре обнародованы.

Мнение критиков было высказано пока так: „В последних произведениях Кузмичева изумляет свежесть великого таланта. Эти произведения стоят на грани гениальности. Антон Кузмичев — больше, чем большой писатель, и чуточку меньше, чем великий писатель.“

Редакторы сначала были смущены одним для них самих непонятным обстоятельством: им казалось, что сюжеты всех произведений Кузмичева откуда-то заимствованы.

Но потом сами над собой посмеялись.

— Столько приходится нам читать рукописей, что, пожалуй, Тарас Бульба показался бы нам знакомым и откуда-то позаимствованным.

* * *

Напечатанные произведения Кузмичева произвели шум. О них было напечатано около двух тысяч статей и библиографических заметок.

Везде превозносили покойного автора и жалели о его безвременной кончине. Даже в „Лефе“ появилось сочувственное стихотворение, которое начиналось:

„Погиб поэт, невольник чести...“

Остальное же было неразборчиво.

Госиздат стал выпускать в ударном порядке полное собрание сочинений Антона Кузмичева. 22 человека, среди которых были представители многих видных советских учреждений, не исключая и писателей, были заняты писанием предисловий к каждому новому тому произведений Кузмичева.

Как-то само собой возникла комиссия по изучению жизни и творчества Антона Кузмичева.

И тоже, как-то само собой, параллельно с этой комиссией зародилась комиссия по выработке на всякий случай проекта для памятника.

И было уже вполне естественно, что последняя комиссия породила еще одну комиссию по выбору места для памятника.

* * *

Однажды в редакцию одного из вышеупомянутых журналов явился оборванный человек, который был страшно тощ и почти что бескровен. Было ему лет под шестьдесят.

Когда после пятидневных настойчивых и длительных ожиданий посетителю удалось поймать редактора, он, вместо слов, вытащил из кармана засаленную бумажку и подал ему. На бумажке было следующее:

СЧЕТ

За напечатание пяти повестей по 4 листа каждая, а всего 20 печатных листов по 200 рублей за лист . . . . 4.000 р.
За напечатание романа в 15 печатных листов . . . . 3.000 р.
За напечатание 200 стихотворений по 50 рублей со штуки . . . . 10.000 р.
Итого: Получить с вас . . . . . 17 тысяч.

— Что за чепуха! — пожал плечами редактор, — какие повести? Какой роман? Какие стихи?

— Мои-с, — сказал посетитель, — изволили напечатать. Моя фамилия Кузмичев...

— Кузмичев?!! Но ведь вы утонули, чорт вас побери!..

— Не совсем, — сказал смущенно посетитель, — я только временно... Так сказать, проба пера.. Хотел, чтобы меня начали печатать. При жизни не печатали-с...

— Вот почему ваши произведения мне показались знакомыми! Они у нас уже были?

— Конечно, были-с. Так как же по счетику? Когда прикажете за деньгами?.. Скажите, товарищ, не продешевил ли я, считая по 200 рублей за лист? По совести, для писателя, стоящего на грани гениальности, как-будто и маловато. Как думаете?

* * *

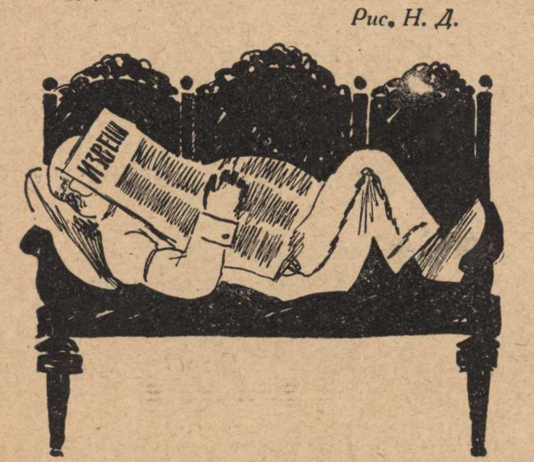
Спустя несколько дней, как-то само собой возникла мысль об учреждении комиссии по ликвидации комиссий по изучению жизни и творчества Кузмичева, по выработке проекта памятника, по прибитию мраморной доски и по разборке и оценке его рукописей.

Последняя продолжала еще существовать, хотя уже больше года ни одной ненапечатанной рукописи Кузмичева уже не осталось.

О. Л. Д,Ор

КОГДА ГАЗЕТА БЕСПОЛЕЗНА

Рис. Н. Д.

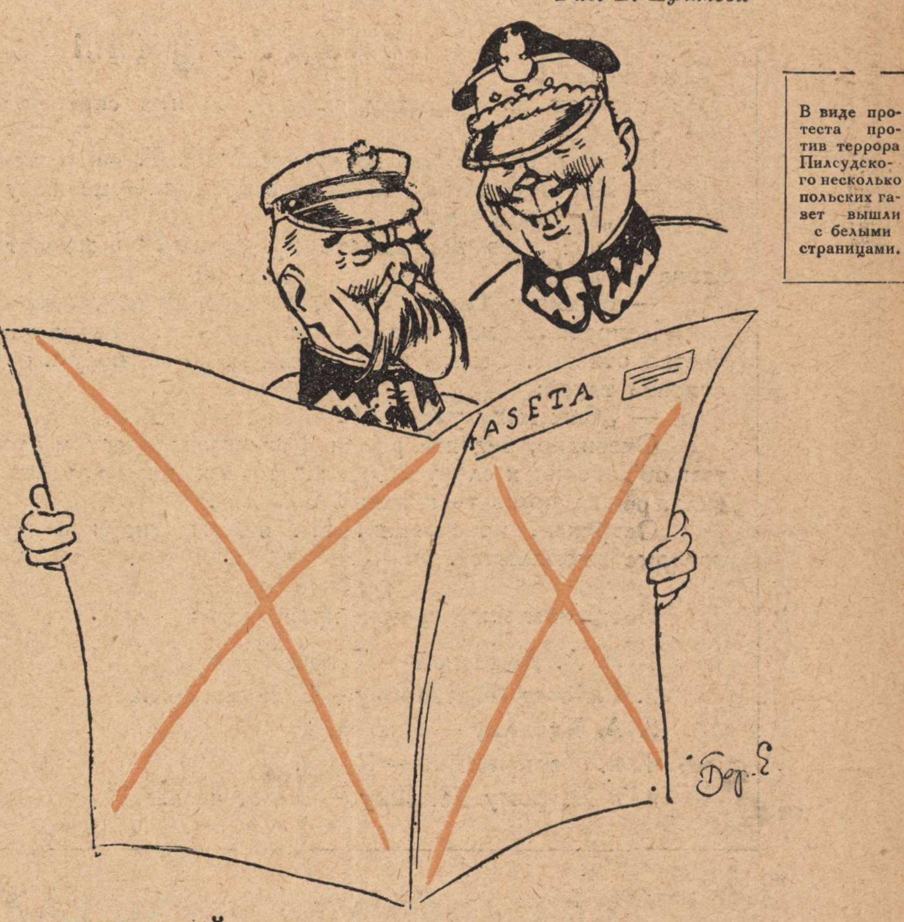

Когда она не будит, а усыпляет внимание.

„НЕЗАВИСИМАЯ“ ПЕЧАТЬ

Рис. Б. Ефимова

В виде протеста против террора Пилсудского несколько польских газет вышли с белыми страницами.

ПУЛСУДСКИЙ: — Наконец-то я вижу, что наша пресса за меня... Смотрите: здесь нет ни одной строчки против моей диктатуры!

СЛЕДУЮЩИЕ!!!

Из ответов по существу следует, во имя справедливости, отметить следующие:

На вопрос: **„На что жалуетесь?“** Н. Т. из Ростова отвечает:

— **На отсутствие свободного времени — не могу даже написать вторую „Войну и мир“.**

Вопрос: **„Что вы имеете пред‘явить?“** вызывает такой ответ рязанца С. Г. С.:

— **Книжку Марка Твэна, по которой пытаюсь острить.**

Вопрос: **„Какая вас собака укусила?“** вызвал наибольшее количество ответов. Самым неразгаданным по замыслу и остроумию следует считать такой:

— **„Сам могу укусить“.**

Очевидно, бедняга рылся в энциклопедическом словаре и, не найдя там об‘яснения к слову „Собака“ точных данных, какая именно его укусила, решил воззвать к нашей совести...

Острякам, приславшим эти ответы, жюри и присудило премии, которые высылаются.

Поощрительные премии присуждены:

1. **И. А. Ланковой** — Тверь.
2. **Наборщ. Мухтарову** — Семипалатинск.
3. **А. Вдовину** — Москва.
4. **А. Чернушенко** — Курск.
и 5. **Хитрому Технику** — Севастополь.

„БЕЗ ДОКЛАДА НЕ ВЫХОДИТЬ!“

Рис. Н. Денисовского

Наши газеты выходят с большим количеством ведомственных докладов.

— **Вам, газетчикам, хорошо: вы всюду без доклада входить можете.**

— **Да, но зато мы без доклада выходить не можем!**

КОГДА ГАЗЕТА БЕСПОЛЕЗНА

Рис. Н. Д.

Когда в ней ничего нового и много старого.

ГЕНИЙ У ОКОШКА

Я хотел бы собственными глазами видеть какого-нибудь знаменитого поэта! — сказал провинциал, робко осматривая стены редакции.

— Можно... Истинно-великого надо искать не в редакции, а в конторе. Пойдемте.

Провинциал не сопротивлялся, и через минуту он был вместе с молодым человеком в конторе у маленького круглого окошечка. Перед окошечком стоял немолодой, седоватый человек с брюшком и в круглых очках.

Провинциал почти молитвенно прислушивался к разговору.

— Так почем же за строку? — спросил седоватый с брюшком.

— Пять рублей, — донеслось из окошечка.

— Сейчас я напишу вам, — сказал поэт.

Провинциал присутствовал при великом акте творчества. Все лучшее в его душе взмыло и воспарило, когда он следил, как уверенно бегала рука поэта по бумаге. Поэт кончил.

— Чтобы было набрано четко и разборчиво.

— Гении могут распоряжаться, — прошептал провинциал, — на то они и гении.

Поэт ушел, а бумажка по странной рассеянности сидевшего за окошечком осталась на месте. Радость оставила провинциала.

— Надо пользоваться случаем, — сказал он себе и, как тигр на добычу, бросился на бумажку.

На ней круглым старательным почерком в тщательной рамочке было написано:

> Чулки, галантерея, носки, подвязки и корсеты по ценам вне всякой конкурренции изготовляет мастерская Бузикова, Перелешников пер., № 14.

— Пять рублей строка... великий... сволочи... Провинциал больше не верил в знаменитых людей.

Мих. Коссовский

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩЕМУ

Закончив фельетон, не говори: „Рука моя писала, не зная для кого“.

Возвращая авторам рукописи, не шепчи: „Эх раз, еще раз, еще много, много раз!“.

Если описываешь ночное заседание хозяйственников, не начинай его так: „Дышала ночь восторгом сладострастья, неясных дум и трепета полна“.

Егор Спиноза

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

— Тов. секретарь! Я устроил тут племянницу с мужем — так приготовьте заранее опровержение!

40 ЧЕЛОВЕК и 8 ЛОШАДЕЙ

„И ОСТАВИ НАМ ДОЛГИ НАШИ...“

Священник Топецкого прихода Дмитрий Гурьев жалуется в Архангельскую нало овую комиссию:

> *Полученные Вами сведения о моей доходности отталкивают от патриотических отношений к Вашей власти, так как Ваша власть старается всеми силами притти на помощь и успокоить верноподданных и этим скорее достигнуть строительство и социализм, а при таких несправедливых сведениях трудно дос.игнуть.*

Словом: спаси господи, люди твоя и благослови строитель ство социализма в дной стране, только даруй победу благоверному отцу Гурьеву над супротивным фининспектором.

> *...Я ставлю на вид,— плачет и воздыхает дальше отец Гурьев,— своих соседей: Троицкого и Куртоменского священников, которые имеют достаток и содержат коров, а подоходного налога не платят...*

Верноподданный отче!

От глаза божьего, то бишь фининспекторского, не укроются согрешения указуемых соседей твоих во Хр сте.

Но ведь и с тебя, батя, не за коров взыскивают, а за... овец, пасомых тобою...

Гони, батя, монету!

ВЕРХ РЕГИСТРАЦИИ

Иркутский комхоз завел регистрационные карточки для собак. В заполненном виде карточки эти читаются так:

> *Фамилия, имя и отчество...* **Поспелова Анна Федоровна.**
> *Адрес владельца...* **2-ая Красноармейская, 58.**
> *Порода...* **дворняжка.**
> *Пол...* **сука.**
> *Возраст...* **семь лет.**
> *Масть...* **рыжая.**
> *Кличка...* **„Динка“.**

КОНКУРРЕНТЫ „СМЕХАЧИНЫ“

„Наша Газета“ положительно стала конкуррировать с нашей „Смехачиной“ и в своем отделе вопросов „Эврика“ помещает такие, например:

14. Чем замечательно животное кенгуру?

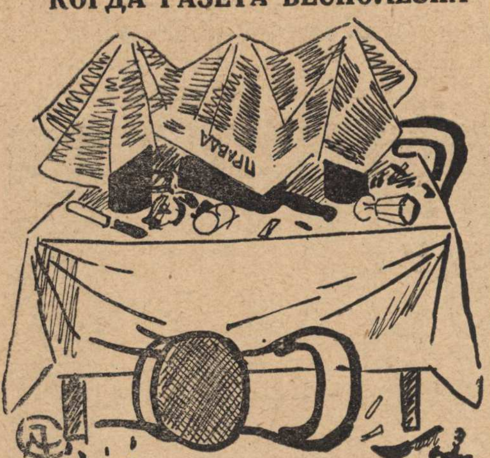
Или:

39. Что делает часовой, когда на штык его винтовки садится воробей?

Мы рекомендуем „Эврике“ подобные вопросы просто соединить воедино:

— Что делает часовой, когда на штык его винтовки садится кенгуру? Так же непонятно, но за то вдвое смешнее.

КОГДА ГАЗЕТА БЕСПОЛЕЗНА

Когда она покрывает безобразия.

НЕ МЫТЬЕМ, ТАК КАТАНЬЕМ

Рис. Н. Денисовского

— Я не знаю, в конце концов, за что же их привлекать? Они же пишут только голую правду.

— Голую? Вот и великолепно: привлечем их за порнографию...

„СМЕХАЧИНА“ № 6

Некоторые читатели, играющие в „Смехачину“, просят нас задать ряд таких вопросов, которые бы позволили в ответах показать не только находчивость, но и научную подготовку, большой жизненный опыт, наблюдательность, а также выдержанность характера.

Принимая во внимание эти просьбы, задаем следующие вопросы, не чуждые науке, искусству, экономике, скульптуре и архитектуре.

1. Кто был первый курортник?
2. Почему у зайцев нет фамилий?
3. Почему управдома никогда нет дома?
4. Что будет делать подхалим, если некому льстить?
5. Все ли терпит бумага?
6. Почему ночью все кошки серы?
7. Почему вас нигде не видно?
8. Почему вы не кричите, когда другим рвут зубы?
9. Куда можно входить без доклада?
10. Кто не без греха?

Высылайте ответы с указанием на конверте: „Конкурс остроумия“.

Имена награжденных будут об'явлены в журнале.

Издатель — „ГУДОК“. Адрес редакции — Москва, Тверская 28. Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

Главлит № А—12.666 Отпеч. в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипповский, 13. Тираж 110.000.

„...СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА...“

Рис. К. Ротова

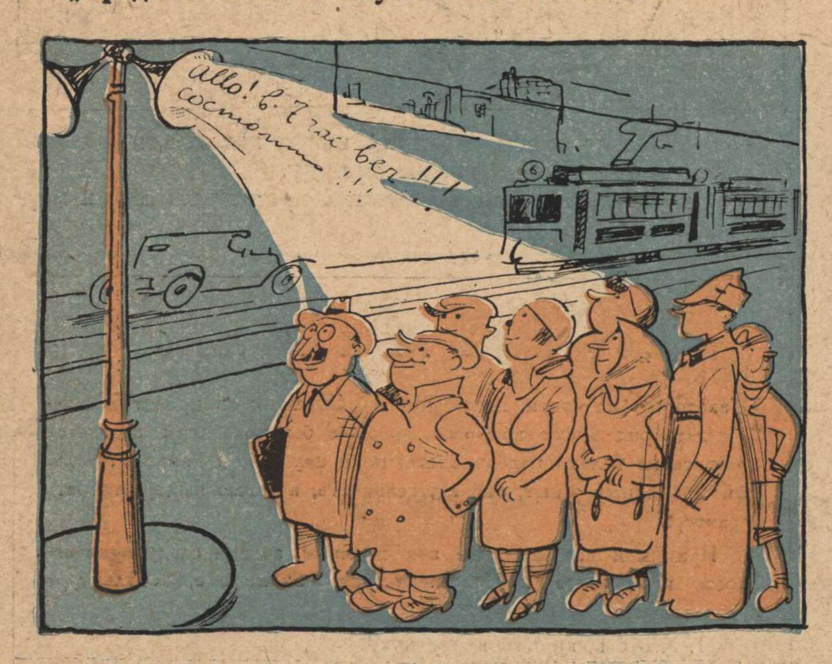
„...представьте себе тоску и печаль московской жизни...“
Из речи Пуанкарэ.

„Представьте себе тоску и печаль московской жизни...“

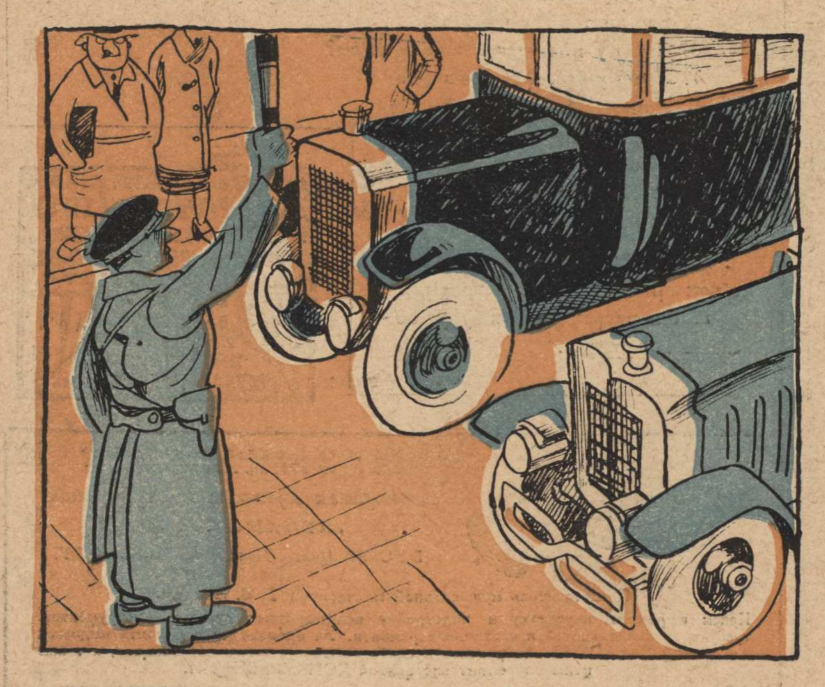
„Работники печати работают в глуши и темноте...“

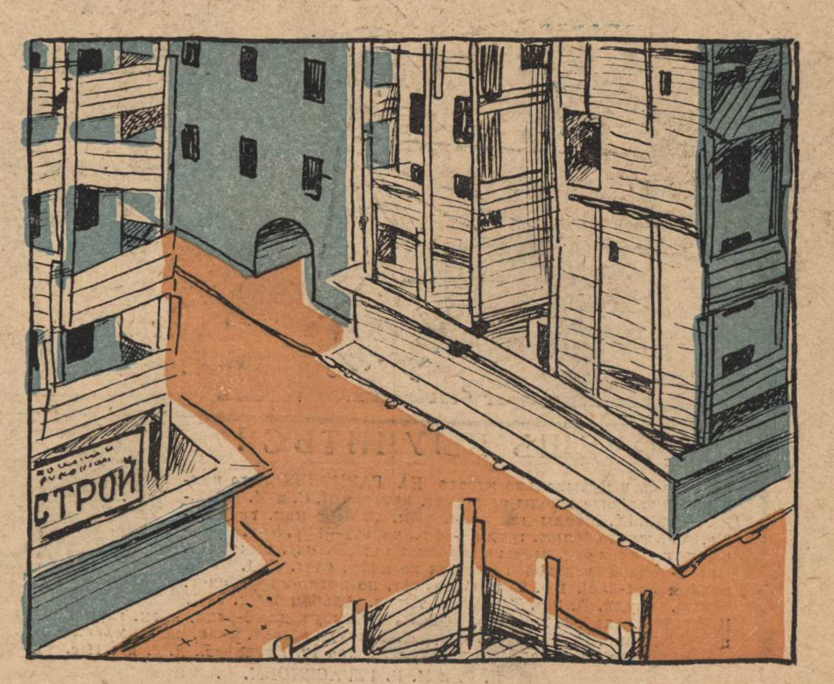
„На площадях стоят вопли и стоны...“

„Из-за пары калош люди готовы друг другу перегрызть горло...“

„В Москве свирепствует палочный режим...“

„Города превратились в дремучие леса...“